

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ АТЕИЗМА СВОБОДОМЫСЛЯЩИХ В БУРЖУАЗНОЙ ЛИТВЕ

Э. КАРАКОЗОВА

Атеистическое течение свободомыслия, появившееся и развивавшееся в период буржуазного господства в Литве в 1919—1940 гг., не представляет собою единичного явления в истории развития мировой атеистической мысли. С конца XIX в. в различных странах стали создаваться буржуазные атеистические союзы под названием «рационалистов», «свободомыслящих», «секуляризаторов» и т. п. Они начали издавать свои журналы и альманахи, созывать конгрессы. Своей целью они ставили борьбу против засилия клерикалов в стране, за уничтожение их привилегий. Они выдвигали своей задачей разоблачение антинаучного характера религии и распространение научных знаний. Подобные объединения образовались в Бельгии, Германии, США и др. странах.

Настоящая статья представляет собою попытку выяснить специфику и классовую сущность атеизма литовских свободомыслящих.

* * *

Атеистическое движение свободомыслящих в Литве начало формироваться в 20-х гг. XX в., когда стали появляться отдельные кружки для борьбы с религией и клерикализмом. К «свободомыслящим» относили тогда всех тех, кто отказался от религиозных предрассудков и веры в сверхъестественные силы, кто в своей деятельности руководствовался «здравым рассудком» и не исполнял никаких церковных обрядов. В 1923 г. И. Шлюпас, И. Кайрюкштис, И. Протас, К. Валашинас, А. Жукаускас объединили отдельные кружки свободомыслящих в Общество этической культуры свободомыслящих — LEKD (Laisvamųjų etinės kultūros draugija). Идея образования такого общества возникла несколько раньше. Но лишь в июне 1924 г. оно было зарегистрировано в Шяуляй. Согласно уставу этого общества свободомыслящие ставили себе следующие задачи¹:

- а) объединение в единую организацию людей, не признающих религиозного мировоззрения;
- б) отвоение и охрана гражданских прав свободомыслящих;
- в) пропаганда свободных от влияния религиозной идеологии принципов культуры и нравственности;
- г) воспитание общества на основе этики свободомыслия.

Созданное общество имело сеть своих организаций — отделений в различных городах, уездных центрах и местечках Литвы. Правда, в ко-

¹ См. Laisvamųjų etinės kultūros draugijos įstatai, Siauliai, 2-ji laida.

личественном составе этих отделений наблюдалась некоторая текучесть. Многие созданные отделения были вынуждены прекращать свое существование из-за различных помех, чинимых местными полицейскими властями. Отсутствие помещений для собраний, наличие в организации «неприемлемых» для властей лиц, иногда просто бездеятельность организаторов вызывали перерыв в деятельности отделений даже на несколько лет, после чего отделение возобновляло свое существование. Так случилось, напр., с Каунасским отделением, которое возникло в 1925 г., а с 1926 г. по 1932 г. бездействовало. Не было никаких условий для создания и действия организаций свободомыслящих в Вильнюсе. Разжигаемый панской Польшей религиозный фанатизм в период оккупации города препятствовал этому. Лишь после освобождения Вильнюса от засилья польских панов, с восстановлением Советской власти здесь появилась организация свободомыслящих.

Тем не менее популярность общества свободомыслящих с момента его создания постоянно возрастала. Количество организаций увеличивалось, все больше людей вовлекалось в активную деятельность. Об этом свидетельствуют следующие данные официальной статистики²:

Годы	1932	1933	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Количество организаций	нет данных	20	36	40—50	68	80	123	139
Количество людей	340	нет данных	нет данных	638	1537	2143	2967	нет данных

Фактически в буржуазной Литве действовало около 150 организаций свободомыслящих. Наиболее крупными и активными из них являлись организации в Каунасе, Шяуляй, Укмерге, Купишкисе, Рокишкисе, Ионаве, Биржай. По подсчетам самих свободомыслящих, в Литве насчитывалось до 100 тыс. свободомыслящих семей. В это число они включали и тех атеистов, которые формально не принадлежали к созданному ими обществу.

До 1924 г. свободомыслящие развивали свою деятельность через общество «Культура» и ее печатный орган — журнал «Культура». С 1933 г. стал выпускаться непосредственный печатный орган свободомыслящих газета «Лайсвоји минтис» («Свободная мысль»), которая выходила вплоть до 1941 г.³ Основными редакторами газеты являлись И. Шлюпас, И. Кайрюкштис, И. Илгунас.

Создание печатного органа свободомыслящих значительно оживило деятельность последних. Были сформулированы основные идейные мотивы движения свободомыслящих, а также выдвинуты конкретные практические задачи атеистической деятельности.

Рассматривая движение свободомыслия в целом, следует отметить, что как по своему классовому составу, политическим взглядам, так и в решении отдельных теоретических проблем оно не было однородным.

Идеологами и руководителями движения свободомыслящих являлись представители буржуазной интеллигенции. Это медики И. Шлюпас и И. Кайрюкштис, психолог проф. И. Вабалас-Гудайтис, филолог проф.

² См. ЦГА Лит. ССР, ф. 1367, оп. 1, д. 475, л. 137, а также газету «Laisvoji mintis».

³ Первые 11 номеров ее вышли под названием «Лайсваманис» («Свободомыслящий»).

В. Дубас, юристы проф. П. Леонас и Повилас Пакарклис, педагоги И. Илгунас, М. Унтулис, И. Протас, К. Валашинас, В. Рузгас и А. Рондоманскис, агроном А. Жукаускас, журналист В. Книва и др. В 1939 г. в активную деятельность включились М. Гедвилас и М. Мицкис.

Видную роль в деятельности свободомыслящих играл Ионас Шлюпас. Его нередко называли «отцом, апостолом свободомыслия». Имя И. Шлюпаса даже стало нарицательным в то время. Представителей и сторонников свободомыслия, атеистической мысли их идейные враги называли «Šliūpininkai, šliūptarniai».

Именно по инициативе И. Шлюпаса в Америке стали организовываться свободомыслящие, эмигрировавшие из Литвы. Он активно выступал в печати, долгое время являясь официальным редактором «Лайсвоий минтис». Им было написано немало брошюр на атеистические темы. Среди наиболее крупных, относящихся к рассматриваемому периоду, были: «Деятельность католической церкви в независимой Литве с 1916 по 1933 гг.» («Katalikų bažnyčios veikimas nepriklausomoje Lietuvoje 1919 iki 1933 m.»), «Реформаторская церковь в Литве во времена Радвилы» («Reformatų bažnyčia Lietuvoje Radvilos laikais»), «Иисус Христос и св. римская инквизиция» («Jėzus Kristus ir šv. Romos inkvizicija»), «Природная мораль» («Prigimtinė moralybė»), «Сравнительная история мировых религий» («Palyginamoji pasaulio religijų istorija»), «Что дало христианство Литве?» в качестве приложения к книге М. Кабе «Что совершило христианство для блага общества?» («Ką davė krikščionybė Lietuvai?»), «Что дало христианство Литве?» («Ką davė krikščionybė visuomenės labui?»), «Государство и его задачи» («Valstybė ir jos uždaviniai») и др. И. Шлюпаса знали как популярного лектора, пламенными атеистическими речами зажигавшего переполненные слушателями аудитории.

Открытые выступления И. Шлюпаса против официальной клерикальной идеологии, разоблачение им узкокорыстной деятельности духовенства вызывали недовольство последнего. Клерикалы затевали против И. Шлюпаса всяческие интриги, подвергали его нападкам, клевете и оскорблениям.

Начав свою деятельность еще в конце XIX в. под влиянием демократических идей, он повернул вправо, перейдя на позиции буржуазного демократизма. В конце концов он отказался от своих ранних идеалов, открыто защищая интересы реакционных слоев буржуазии. В рассматриваемый период И. Шлюпас занимал зачастую весьма противоречивые политические позиции. Так, вскоре после фашистского переворота он, как либеральный буржуа, выступил с ожесточенной критикой реакционных мер фашистского правительства и его главарей Сметоны и Вольдемараса. Однако позже в своих нападках и острой критике клерикалов, конкурировавших из-за власти с фашистами (таутининками), он поддерживал последних, выступая защитником фашистского государства.

Большую же часть идеологов свободомыслия составляли представители передовой интеллигенции. Из их рядов вышли такие борцы за дело рабочего класса, как члены правительства Советской Литвы 1940 г. нарком сельского хозяйства М. Мицкис и нарком коммунального хозяйства В. Книва. Сложный путь от клерикальной студенческой организации атейтинников к атеистическому обществу свободомыслящих прошел П. Пакарклис, впоследствии член правительства Советской Литвы и автор ряда научных трудов. В годы Советской власти И. Кайрюкшис, И. Вабалас-Гудайтис вступили в ряды Коммунистической партии и активно включились в коммунистическое воспитание молодого поколения.

Все прогрессивные силы, входившие в ряды свободомыслящих, принялись за творческую работу в Советской Литве.

Основные идеи и теоретические позиции свободомыслящих излагались в их статьях и отдельных, зачастую не крупных, атеистических произведениях.

Перу И. Кайрюкштиса⁴ принадлежат такие воинствующие атеистические брошюры, как «Куда идешь, католическая молодежь?» («Kur eini, katalikų jaunime?»), «Азбука свободомыслия» («Laisvosios minties ABC»), «Философия естествознания» («Gamtos mokslų filosofija») и др. И. Илгунас⁵ был известен как автор атеистических, антиклерикальных произведений: «Христос и христианство» («Kristus ir krikščionybė»), «Святой отец в Риме» («Šventas tėvas Romoje»), «Есть ли такая вера, без которой человек не может жить?» («Ar yra toks tikėjimas, be kurio žmogus negali gyventi?»), «Зажженные костры (инквизиция)» («Uždegti laužai (inkvizicija)» и др. Немало статей обоих этих атеистов помещалось на страницах «Лайсвои минтис».

Основные идеи и принципы деятельности свободомыслящих были изложены в книге А. Жукаускаса «Основы свободомыслия» («Laisvąmąnybės pagrindai»). Атеистические статьи И. Вабаласа-Гудайтиса помещались в журнале «Культура». Материалы, собранные из литовского фольклора и истории религиозной веры в Литве лингвист Матас Унтулис совместно с писателем И. Минюсом⁶ обобщил в книге «От Перкунаса до Базилики» («Nuo Perkūno iki Bazilikos»). Материалы из истории религии в Литве, собранные М. Унтулисом, были использованы И. Шлюпасом при написании статьи «Что дало христианство Литве?». И. Минюсу принадлежат брошюры «Христа не было» («Kristaus nebuvo») и «Литва в тени крестов» («Lietuva kryžių šešėlyje»).

И. Кайрюкштис, И. Илгунас, А. Жукаускас являлись активными организаторами практической деятельности свободомыслящих и входили в состав руководящих органов общества. Они выступали с лекциями на атеистические темы. Их выступления привлекали немало слушателей. К видным свободомыслящим того времени относился также заведующий кафедрой французской литературы в университете проф. Владас Дубас, редактировавший журнал «Вага». Его перу принадлежит монографический труд о Вольтере.

Игнас Протас, Каролис Валашинас, В. Рузгас, А. Рондоманкис, Повилас Пакарклис, журналист Валерионас Книва проявили себя больше в области организации практической деятельности свободомыслящих. В печати появлялись лишь отдельные их статьи на атеистические темы. Все они принимали участие в устной атеистической пропаганде.

Все члены организации свободомыслящих так или иначе способствовали развитию этого движения. Однако в данной статье отмечаются лишь наиболее выдающиеся и активные его идеологи и деятели.

Ограниченно буржуазной атеистической деятельности свободомыслящих противостояла организация подлинно научной атеистической пропаганды под руководством Коммунистической партии Литвы. Литовские коммунисты наряду с задачами революционного движения в своей печати освещали также вопросы борьбы против клерикализма и религии, воспитывая трудящихся в духе марксистско-ленинского мировоззрения.

Начиная с 1934 г., в связи с претворением в жизнь решений ЦК Коммунистической партии Литвы об усилении борьбы за единство рабоче-

⁴ Псевдонимы И. Кайрюкштиса — *Tomas Karušis, Tomas Karuš-Biela, J. Atsi-skyrelis.*

⁵ Псевдонимы И. Илгунаса — *Vaivadiškis, Vaivadiškietis.*

⁶ Псевдоним И. Минюса — *J. Laisvūnas.*

го класса и за создание антифашистского единого фронта в деятельности организаций свободомыслящих активное участие стали принимать коммунисты. Эти организации Компартия Литвы использовала для распространения своего влияния на трудящиеся массы. Многие коммунисты и комсомольцы вступали в отделения общества свободомыслящих, являлись инициаторами в организации новых отделений. Так, коммунисты В. Юргайтене, П. Моцкус вносили революционный дух в деятельность организации Моседиса, активисты рокишкской партийной организации С. Шклерис и В. Шклерис оказывали большое влияние на местное отделение. В организации свободомыслящих Рокишкиса, насчитывавшей 200 человек, работала группа коммунистов из 5 человек. В правление общества свободомыслящих в Дусетос также входили коммунисты. Из 74 членов укмергского отделения в 1938 г. 22 были коммунисты и комсомольцы.

Как писал в своем донесении уездному начальнику полиции участковый полицейский г. Укмерге, «при проверке списка свободомыслящих в укмергской организации обнаружено, что в отделение вступили все видные коммунисты Укмерге».⁷

Участие и влияние коммунистов в Шакяй было настолько велико, что начальник уездной полиции писал: «оставить их при руководстве значит легализовать действия коммунистов».⁸

На съезде отделений общества свободомыслящих в 1939 г., на котором присутствовало 190 представителей, в состав центрального правления этого общества был избран коммунист М. Гедвилас.

По сведениям департамента Министерства внутренних дел, коммунисты и тесно сотрудничавшие с ними действовали в организациях свободомыслящих в Дусетос, Петрашюнай, Жагаре, Куршенай, Аникшчяй, Даугай, Симнасе, Пильвишкяй, Барздай, Кудиркос Науместисе, Янкай, Ванджиогале. По инициативе коммунистов были созданы организации свободомыслящих в Папиле, Ширвинтай и др. местах.

В организации свободомыслящих зачастую вступали те, кто не желал мириться не только с засилием клерикалов, но и с господством фашистской реакции вообще. В руководящие органы местных организаций свободомыслящих входило немало бывших активных участников крестьянского восстания 1935 г. в Сувалькии. Эти люди нередко принадлежали к левонастроенным членам мелкобуржуазных партий социал-демократов, ляудининков. Члены этих партий входили в состав руководящих органов отделений свободомыслящих в Слабаде, Ионишкелисе, Куршенай, Круопяй, Шимкайчяй, Кражяй, Аникшчяй, Ужпалай, Вилкавишкисе, Судае, Скуодасе, Жалякальнисе (Каунасе), Езнасе, Шилале, Лекечяй.

Однако наряду с демократическими элементами в ряды свободомыслящих входили и различные реакционные представители мелкобуржуазных партий ляудининков и социал-демократов. Выступая с атеистическими взглядами, развивая критику религии и клерикализма, они зачастую занимали крайне реакционные позиции в политической жизни. Так, в 1918—1919 гг. они совместно с клерикалами боролись против Советской власти в Литве. В годы господства фашистской диктатуры более реакционная часть свободомыслящих в своей борьбе против клерикалов и их политических вождей поддерживала таутининков. В период же гитлеровской оккупации как клерикалы, так и реакционные свободомыслящие также явились пособниками фашистов в числе буржуазных националистов всех мастей. К таким буржуазным идеологам относились

⁷ ЦГА Лит. ССР, ф. 1367, оп. 1, д. 467, л. 101.

⁸ Там же, д. 525, л. 2.

И. Шлюпас, ляудининки П. Леонас — быв. министр юстиции буржуазных правительств Вольдемараса и Слежявичюса, В. Квиеска и др.

Несмотря на такую разнородность состава политических взглядов и целей, все движение свободомыслящих выступало в основном с единой практической программой. Под его знамя становились все те, кого не устраивало засилие клерикалов в экономической, политической, идеологической и культурной жизни страны. Поэтому оно носило прежде всего антиклерикальный, атеистический характер. Через призму решения вопросов борьбы с религией и клерикализмом свободомыслящие ставили и решали проблемы политического характера.

Идеи свободомыслия были особенно популярны и поддерживались трудовым крестьянством, мелкими ремесленниками, торговцами и служащими. Это часть буржуазного общества, которую К. Маркс относил к средним сословиям. Несмотря на образование крупных капиталистических предприятий, буржуазная Литва представляла собой в основном отсталую аграрную страну со слаборазвитой промышленностью и торговлей. Поэтому не случайно основные классы буржуазной Литвы — буржуазия и пролетариат, например, в 1923—1926 гг. составляли лишь 32% населения страны, а неосновные классы (трудящиеся крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы и др. лица, не эксплуатирующие наемного труда) составляли 64%.⁹

Характеризуя положение средних сословий в капиталистическом обществе, К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» писали: «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата.»¹⁰

Средние сословия, возглавляемые передовой, но еще не вставшей на путь революционного движения буржуазной интеллигенцией, представляли собою классовую основу движения свободомыслящих в буржуазной Литве. Об этом отчасти можно судить по классовому составу руководящих органов 121 местной организации свободомыслящих, который в период с 1937 г. по 1940 г. определялся следующими показателями¹¹:

рабочие	— 83
ремесленники	— 139
служащие, торговцы	— 58
крестьяне	— 254
интеллигенция	— 23
пенсионеры, домохозяйки	— 17
средние собственники (домовладельцы, собственники мастерских и т. п.)	— 17

Эти данные довольно наглядно говорят о том, что подавляющее большинство членов организаций свободомыслящих составляли крестья-

⁹ Подробный анализ классового состава буржуазной Литвы 20-х годов см. в книге Е. Dirvelė, «Klasių kova Lietuvoje 1926 m.», Vilnius, 1961, p. 41.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 434.

¹¹ ЦГА Лит. ССР, ф. 1367, оп. 1.

яне и ремесленники. Недовольство существующими порядками, а также отсутствие революционной решимости вступить в открытый бой приводили представителей этих классов в антиклерикальные организации свободомыслящих.

Забитость и неравноправное положение средних слоев населения в буржуазной Литве заставляли их становиться на сторону пролетариата в критике существующего строя и клерикализма. Некоторые представители из этой среды активно включались в революционную борьбу рабочего класса, вступали в ряды Коммунистической партии. Вместе с тем классовая природа средних сословий, заключающаяся в нерешительности, в отсутствии последовательной революционности и консерватизме, удерживала другую часть представителей этих сословий в рамках буржуазного строя. К критике последнего они подходили с мелкобуржуазной и мелкокрестьянской меркой.

Вся эта непоследовательность средних сословий наилучшим образом отразилась в социально-политических взглядах основных теоретиков свободомыслия.

Вопросы религии и атеизма свободомыслящие Литвы пытались решать в зависимости от политических и социальных проблем того времени. Однако специальных трудов по вопросам социологии у большинства из них не имеется. Об их взглядах можно судить по отдельным высказываниям в связи с различными атеистическими проблемами. Несколько лучше в этом отношении обстоит дело у И. Шлюпаса. Многие свои статьи он посвящал специально социологическим вопросам. Свои политические взгляды он изложил в «политическом завещании» — брошюре «Государство и его задачи» (1929).

Для выяснения классовых позиций идеологов свободомыслия в данной статье мы коснемся их социально-политических взглядов на современное им буржуазное общество и государство, а также на тенденции и стимулы развития общества вообще. Именно эта проблема затрагивалась ими больше всего и наложила своеобразный отпечаток на решение проблем религии и атеизма.

Критику религии и клерикализма они проводили под флагом критики несправедливостей и угнетения в современном им обществе. При этом они объявляли себя защитниками интересов трудящихся слоев населения и резко высказывались против существующего экономического неравенства и эксплуатации. «При капиталистическом строе, — писал И. Кайрюкштис, — тысячи людей нищенствуют, работают до изнеможения и не могут мечтать об улучшении своего положения».¹² Эксплуатацию человека человеком горячо осуждали К. Валашинас, И. Илгунас, А. Жукаускас. «Недопустимо человеку наживаться на человеке, недопустимо эксплуатировать одного другого, — писал А. Жукаускас. — Каждый человек должен жить только своим трудом.»¹³

Владея немалым капиталом, состоя членом различных акционерных обществ, И. Шлюпас также любил высказываться о «несправедливостях» существующего общества. Он заявлял, что судьба бедняков есть его судьба и что лишь тогда Литва станет поистине свободной, когда исчезнут нищета и темнота.

Критику несправедливостей капиталистического общества свободомыслящие увязывали с необходимостью построения более совершенного общества. В этом вопросе они исходили из принципа, что «человеческая жизнь есть высочайшая ценность и поэтому должна быть целью, а не

¹² J. Kairiūkštis, Gamtos mokslų filosofija, Tauragė, 1926, p. 72.

¹³ A. Zukauskas, Laisvamanybės pagrindai, 1939, p. 21.

средством».¹⁴ Причем здесь основной упор они делали не на эгоистические интересы отдельного индивида, а на интересы всего общества. «Каждый человек может достигнуть лучшей, более веселой и счастливой жизни, только общаясь с другими людьми», — писал А. Жукаускас.¹⁵

В периодической печати свободомыслящих зачастую проводилась мысль о том, что народ должен сам издавать законы и проверять их исполнение, что свобода народа неразрывно связана с независимостью Литвы от влияния иностранных капиталистических государств. Во всех требованиях свободомыслящих выдвигалась идея борьбы за политическую, интеллектуальную свободу. Эти идеи были сформулированы свободомыслящими в редакционной статье при выпуске первого номера журнала «Вага». «Мы хотим быть политически, этически, интеллектуально свободными от любых ограничений, не обоснованных требованиями общественного блага, от любых предрассудков и почитания отживших идолов».¹⁶

Отмечая существующее неравенство капиталистического общества, свободомыслящие не смогли проникнуть в сущность этого неравенства. Они подмечали лишь внешние стороны эксплуатации, но не смогли изучить ее природу. За фактами эксплуатации они не видели отношений классов — пролетариата и капиталистов, не вскрывали экономической природы этой эксплуатации. Поверхностный и абстрактный подход к решению вопроса особенно ярко проявляется у И. Шлюпаса. Говоря о неравенстве, о забитом положении бедняков в обществе, он видел следствия, но не причины, явление, но не сущность.

Бедняки — в понимании И. Шлюпаса — это «невежды, забитые с малолетства, оборванные, не доевшие, не знающие чистоты, загрызаемые паразитами пастушки, незаконнорожденные и дети бродяг; служанки и слуги, получающие за свои труды самую низкую оплату, при выплате которой работодатель часто бессовестно их надувает; даватки, отдавшие свои сбережения «добродетелям» и ищущие только посмертного счастья. Это люди, которые на труд смотрят, как на проклятие Адама и Евы, а не как на героическую и политическую обязанность. Это отверженные обществом, которым нужна этика.»¹⁷ Таким образом, для И. Шлюпаса не существуют классы. Противоречия в обществе, по его словам, проявляются между забитыми и обиженными судьбой бедняками, к которым он относит различные слои населения по признаку «страдающих», и между корыстолюбцами, лентяями, обманщиками, ворами и другими паразитами общества. За внешними проявлениями угнетения отдельных слоев населения И. Шлюпас проглядел неравное положение в обществе целых классов — рабочего класса и трудящегося крестьянства.

Такой абстрактный, неклассовый подход к вопросу о неравенстве в капиталистическом обществе обуславливался неспособностью свободомыслящих выяснить причины возникновения этого неравенства.

В качестве аргумента к положению о недопустимости эксплуатации в обществе А. Жукаускас использовал утверждение о том, что «каждый человек от рождения имеет равные права пользоваться всеми благами земли и равными обязанностями работать и служить обществу».¹⁸ Но он так и не сумел объяснить, откуда же появилась несправедливость в обществе. Говоря о том, что негодные условия жизни порождают без-

¹⁴ J. Ilgūnas, *Ar yra toks tikėjimas, be kurio žmogus negali gyventi?*, Kaunas, 1939, p. 18—19.

¹⁵ A. Zukauskas, cit. veik., p. 18—19.

¹⁶ Redakcijos žodis, „Vaga“ (Red. V. Dubas), 1931, Nr. 1, p. 1—2.

¹⁷ Dr. J. Šliūpas, *Zmoniškumas ir labdarvė*, „Laisvoji mintis“, 1939, Nr. 3, p. 1—2.

¹⁸ A. Zukauskas, cit. veik., p. 28.

нравственных и несправедливых членов общества, А. Жукаускас забывал, что сами условия также создаются людьми.

Как писал К. Маркс, «материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, — это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан».¹⁹

Неспособность свободомыслящих проникнуть в сущность эксплуатации капиталистического общества объяснялась их идеалистическим подходом в изучении общественных явлений вообще. Так, основу существования и развития общества они усматривали в изменениях взглядов и понятий по тем или иным вопросам. А. Жукаускас писал, что разнообразие человеческих отношений, их форм и обычаев основывается на различном понимании прав и обязанностей.²⁰ Аналогичные мысли высказывал и И. Шлюпас. «Итак, не столько война и ее разрушения угрожают цивилизации, — отмечал он, — сколько изменяющееся понятие жизненных ценностей, навязанные определенными индивидами политические доктрины».²¹

Правда, у отдельных представителей свободомыслящих имелись попытки указать на зависимость развития общества и существующих в этом обществе идей от степени совершенства орудий труда. И. Вабалас-Гудайтис писал, что несовершенные орудия труда и средства сообщения, низкий уровень культуры увеличивали зависимость первобытного человека от стихийных сил природы.²² Эта слабость перед стихийными силами природы, по мнению И. Вабаласа-Гудайтиса, заставляла первобытного человека обращаться к сверхъестественным силам, приводила к образованию мистических, религиозных взглядов. И, наоборот, «технический прогресс, материальный успех и спокойная жизнь создают уверенность в свои силы и толкают к позитивизму» (положительным научным знаниям и материализму. — Э.К.)²³, — писал он. Рассуждая о неравноправном положении женщины в буржуазном обществе, К. Валашинас отмечал: «Говорят, что экономические отношения определяют все другие человеческие отношения».²⁴ Однако все эти высказывания о значении экономических факторов в развитии общества носили случайный характер. Отдельные мысли в данном случае не развивались ими и не доказывались с научных позиций. Зато много внимания они уделяли значению науки, культуры и сознательности народа в развитии общества. «Все достижения нашей эпохи есть лишь прогресс чистой науки»²⁵, — заявлял И. Илгунас. «Наука совершит в будущем действительно большой прогресс и сможет вовсе реформировать нашу жизнь»²⁶, — писал И. Кайрюкштис. С ним соглашался И. Шлюпас, заявляя, что «материальный прогресс цивилизации зависит от науки».²⁷

Сообразно этим положениям решали они вопрос о средствах преобразования существующего несправедливого общества. И здесь основ-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 2.

²⁰ А. Zukauskas, cit. veik., p. 5.

²¹ Dr. J. Šliūpas, Kur slypi pavojus civilizacijai?, „Laisvoji mintis“, 1940, Nr. 4, p. 2.

²² См. J. Vabalas-Gudaitis, Kilmės sąvokos reikšmė tautiniam kolektyvui sudaryti, „Kultūra“, 1924, Nr. 1, p. 43.

²³ J. Vabalas-Gudaitis, Pasauližvalgų nustatymas ir jų rūšys, „Vaga“, 1931, Nr. 4—5, p. 298—299.

²⁴ К. Valašinas, Moteris ir religija, „Laisvoji mintis“, 1939, Nr. 11, p. 4.

²⁵ J. Ilgūnas, Ar yra toks tikėjimas... p. 7—8.

²⁶ Dr. J. K., Laisvamanio tikėjimas, „Laisvoji mintis“, 1934, Nr. 6—7.

²⁷ J. Bury, Historija minties laisvės, Biržai, 1923, p. 177.

ное внимание они уделяли росту сознательности, подъему культуры, развитию науки.

По их мнению, только образованный, культурный человек способен осознать цели и идеалы развития общества и претворить их в жизнь. И. Шлюпас по этому поводу указывал: «Если не будем побуждать и учить широкие народные массы самостоятельно думать и критически оценивать явления жизни, они никогда не дождутся благополучия и всегда будут эксплуатироваться горсткой корыстолюбцев и паразитов, для которых народ и государство являются лишь средствами для легкой жизни и обогащения».²⁸

Свободомыслящие считали, что без подъема культурного уровня народа невозможно преобразование общества на справедливой основе. Они подчеркивали, что именно от общего культурного уровня зависит могущество страны и ее вес в международных отношениях. Наряду с наукой, просвещением в качестве важнейшего фактора преобразования общества они считали этику. Главным теоретиком в данном вопросе выступал И. Шлюпас. Он подчеркивал, что в задачи этики входит распространение среди народа правильных взглядов на отношение к труду. Легкая нажива и взгляд общества на труд, как на проклятие, по мнению И. Шлюпаса, порождает неравноправие и несправедливость. И, наоборот, добросовестный труд заставит всех жить скромнее и уничтожить несправедливость. Он заявил, что путь бедняков к счастью, а государства к богатству — это труд. И. Шлюпас считал, что искреннее стремление всех членов общества к отказу от корыстолюбия и уменьшению жажды наживы, добросовестный труд, доступное для всех обучение, всеобщее сотрудничество и претворение в жизнь принципов свободы и братства приведут к созданию такого общества (или государства, как писал И. Шлюпас), где не будет богатей и бедняков. «Когда люди осознают законы этики, — писал он, — в мире не будет ни нищих, ни миллионеров».²⁹ И. Шлюпас мечтал о том, что в обществе будущего воплотится лозунг французской буржуазной революции: «свобода, равенство, братство».

Итак, провозглашение гуманизма, вера в силу и мощь человеческого разума и светлое будущее человечества составляет отличительную черту социально-политических взглядов свободомыслящих относительно стимулов и перспектив развития общества. Однако их вера в могущество человеческого разума и соответственно этому объяснение развития общества «от разума» представляло собою абстрактное, просветительское отношение к изучению социальных явлений и не шагнуло далее просветительства XVIII, XIX вв. Вера в светлое будущее человечества у свободомыслящих связана с верой в первую очередь в культурный, а не экономический и политический прогресс.

Все эти недостатки являлись следствием того, что свободомыслящие абстрактно смотрели на самого человека, вырывая его из конкретной, предметной деятельности. Правда, объявляя себя защитниками трудящегося человека, свободомыслящие нередко высказывались о значении труда в обществе. Выражая мысли о том, что тяжелый физический и умственный труд одинаково почетен в обществе, А. Жукаускас писал: «Труд есть источник всякого блага, поэтому он заслуживает величайшего уважения».³⁰ «Труд — это основа роста материального и

²⁸ J. Šliūpas, Mintys apie ateities valstybę, „Laisvoji mintis“, 1939, Nr. 19.

²⁹ Заключительное слово И. Шлюпаса на съезде свободомыслящих в Паланге в 1939 г. «Laisvoji mintis», 1939, Nr. 11.

³⁰ A. Žukauskas, cit. veik., p. 25.

культурного благосостояния страны»³¹, — заявлял И. Шлюпас. Однако они так и не смогли выяснить социальной роли труда и материального производства, как решающего момента в возникновении и развитии человека, как основы существования человеческого общества. Труд понимался ими в «грязноторгашеской» форме его проявления, как простое средство поддержания существования индивида. И только теоретическая деятельность понималась ими как «истинно человеческая», способная изменить отношение к труду и преобразовать человеческие отношения. Они не поняли значения революционной, «практически-критической» деятельности человека. Отсюда и вытекал их абстрактно-теоретический, идеалистический подход к изучению общественных явлений.

Для научного изучения жизни общества необходимо было, именно исходя из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и выяснить связанные с данным способом производства и порожденные им общественные отношения. Только таким путем можно было выяснить особенности государственной жизни и появление различных новых идей, различных форм общественного сознания. Подобный анализ отсутствовал у свободомыслящих.

Несомненно, высокий уровень культуры и сознательность народных масс играют большую роль в преобразовании общества. Однако оба эти фактора сами зависят от экономического и политического состояния страны. Свободомыслящие свое культурничество не связывали с конкретной политической обстановкой в стране. И хотя они в своей деятельности испытывали всяческие ограничения и гонения со стороны правящих клерикальных и фашистских кругов, но соответствующего вывода не сделали. Более того, они всемерно подчеркивали свою непринадлежность к каким-либо политическим партиям и их интересам, а все задачи своей культурной, просветительской деятельности они пытались объяснить различными идеальными мотивами.

Говоря о значении сознательности народа, они не подмечали того, что сознательность масс неразрывно связана с революционной деятельностью. Они не поняли, что «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально принято только как *революционная практика*»³². Для того, чтобы теория, идеология действительно стали «материальной силой» общества, вся идеологическая работа должна была быть направлена на воспитание пролетарской сознательности, а для этого необходимо уяснить сущность эксплуатации, необходимость уничтожения капиталистического строя и замены его социализмом, необходимо было выяснить ту классовую силу, которая способна возглавить и практически осуществить это коренное, революционное преобразование эксплуататорского строя. Иначе говоря, лишь марксистско-ленинское учение о научном коммунизме и диктатуре пролетариата в тесной связи с революционным движением может быть твердой основой в выработке классового сознания трудящихся масс в их стремлении к уничтожению существующих несправедливостей капиталистического общества.

Абсолютизируя значение культуры и сознательности в обществе, свободомыслящие не связывали своих целей с задачами уничтожения существующего строя, а ограничивались лишь задачами преобразования его. Осуждая эксплуатацию, А. Жукаускас, например, выдвигал

³¹ Dr. J. Šliūpas, Darbas ir religija, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 5.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 2.

формулу: «Кто может работать, кто может получить работу, но кто не работает, тот не ест».³³

Не случайно в социалистический принцип «кто не работает, тот не ест», с которым он несомненно был знаком, А. Жукаускас вставил слова: «кто может получить работу». В условиях капитализма принцип «кто не работает, тот не ест» в своей основе не осуществим, т. к. капиталистическая собственность, во-первых, исключает необходимость трудиться всем, обеспечивая «безработных» капиталистов, во-вторых, исключает для неимущих возможность трудоустройства по потребностям. Поэтому формула А. Жукаускаса являлась лишь неудачной попыткой применить принцип социалистического общества к условиям капитализма. Осуждая всякого рода угнетение — как материальное, так и моральное, свободомыслящие не осуждали частную собственность, как основу эксплуатации, не призывали к уничтожению капиталистического строя. В их взглядах объективно проскальзывали непоследовательность и отсутствие революционной решимости средних слоев буржуазного общества, подвергшихся уже процессу пролетаризации, но не успевших окончательно порвать со своей мелкобуржуазной средой и мелкокрестьянскими, мелкобуржуазными иллюзиями, испытавших на себе все тяготы капиталистического строя, но еще не решившихся на открытые революционные бои с эксплуататорами. Сочетание призывов к освобождению от несправедливостей существующего общества с боязнью перед решительными, революционными действиями составляет отличительную черту социально-политических взглядов И. Кайрюкштиса, И. Вабаласа-Гудайтиса, И. Илгунаса, А. Жукаускаса и др.

И. Шлюпас — типичный буржуазный теоретик, сознательно и последовательно защищающий «улучшенный» капиталистический строй. Считая нищету неизбежным следствием капитализма, он развивал идеи о том, как уменьшить ее и улучшить положение бедняков, не уничтожая основ того общественного строя, который порождает нищету. Изменение отношения к труду, как одно из средств преодоления несправедливостей общества, по И. Шлюпасу, фактически являлось утверждением капиталистического наемного труда с той лишь разницей, что изменяется взгляд на этот труд. Но при капитализме труд — это источник эксплуатации и классового господства буржуазии, что и порождает определенное отношение к нему как к проклятию. Требование сознательного отношения к труду у И. Шлюпаса не предполагало осознания того, что продукты труда также должны принадлежать тем, кто их производит. Правда, И. Шлюпас иногда высказывался о том, что «земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает и любит. Ремесленники и профессионалы должны быть обеспечены всеми необходимыми им орудиями».³⁴ Однако, выступая против господства крупной капиталистической собственности, он при этом всячески защищал мелкую частную собственность. И. Шлюпас оговаривался: «Этим не осуждается частная собственность, хотя для ее действия почва должна быть значительно ограничена и сужена».³⁵ Он считал необходимым развивать мелкую частную торговлю и промышленность, выдвигал требование свободы конкуренции в области экономики. «Как в лесу нет и не может быть равенства между деревьями,— писал И. Шлюпас,— так нет и не будет равенства между отдельными людьми в росте, в иму-

³³ А. *Zukauskas*, cit. veik., p. 21.

³⁴ Dr. J. *Šliūpas*, *Mintys apie ateities valstybę*, „Laisvoji mintis“, 1939, Nr. 19.

³⁵ Там же, «Laisvoji mintis», 1939, Nr. 18.

ществе, в способностях, в склонностях, в трудоспособности».³⁶ Он указывал, что свободомыслящие частную собственность считают законной.

Являясь защитником мелкой частной собственности, И. Шлюпас выступал апологетом буржуазного государства, на которое он возлагал огромные надежды в деле преобразования общества. По его мнению, именно буржуазное государство может поднять хозяйство страны и обеспечить справедливое распределение материальных благ. «Справедливость, особенно социальная, не одним человеком проводится в жизнь, а путем государственных законов»³⁷, — писал И. Шлюпас. Эти рассуждения о роли государства он увязывал непосредственно с преклонением перед буржуазным и фашистским государством Литвы. Главу фашистского государства А. Сметону он называл «просвещенным человеком, настоящим соотечественником, любителем литуанистики».³⁸ Если сразу же после фашистского переворота в 1927 г. И. Шлюпас возмущался реакционной деятельностью фашистского правительства, направленной на уничтожение демократии в стране, то, оценивая деятельность фашистского правительства в целом, он в 1933 г. писал: «В общем государственный аппарат таутинок действует неплохо, и если бы был восстановлен сейм и создан сенат, введена гражданская метрикация и хоть сколько-нибудь смягчена цензура или установлены надлежащие законы о печати и собраниях, то в эти годы послевоенной реакции Литва смогла бы изрядно порадоваться и быть неплохим примером для других государств».³⁹ Таким образом, несколько «усовершенствованная» фашистская диктатура была вполне приемлемой для И. Шлюпаса. В других своих статьях он открыто призывал любить «свою старую нацию и новое независимое (фашистское.— Э. К.) государство».⁴⁰ Наряду с этим следует отметить противоречивость взглядов И. Шлюпаса на фашизм. Являясь в основном защитником фашистского государства Литвы, И. Шлюпас выступал против ограничения демократических свобод в Литве, он был одним из тех, кто критиковал разгул фашизма в Германии, Италии, Франции и других европейских странах. Он резко осуждал захватническую политику гитлеровского фашизма, колониальные войны, порабощение рабочего класса империалистами мира.

Своим идеалом И. Шлюпас считал демократическое буржуазное государство, способное, по его мнению, осуществить лозунг французской революции «свобода, равенство и братство». Этот лозунг в его устах звучал, как утверждение власти мелкой и средней буржуазии в Литве. Провозглашая буржуазное «равенство перед законом», И. Шлюпас фактически ограничивал это равенство для трудящихся народных масс и расширял для эксплуататорских классов. Говоря о всеобщем избирательном праве, он заявлял, что неграмотные люди не должны иметь права голоса, так как они легко могут поддаться влиянию других, грамотных, а потому не способны самостоятельно воспользоваться этим правом.⁴¹ Тем самым И. Шлюпас вычеркивал из участия в выборах большую часть рабочих и крестьян, которые не имели возможности получить образование в условиях буржуазной Литвы. Статистические

³⁶ J. Šliūpas, Valstybė ir jos uždaviniai, 1929, p. 28.

³⁷ Dr. J. Šliūpas, Laisvamanybė yra teisybės ir teisingumo ieškojimas, „Laisvoji mintis“, 1937, Nr. 9, p. 6.

³⁸ J. Šliūpas, Katalikų bažnyčios veikimas nepriklausomoje Lietuvoje 1919 iki 1933 m., p. 11.

³⁹ Там же, стр. 15.

⁴⁰ Dr. J. Šliūpas, 10-ties metų sukaktuyėms, „Laišvoji mintis“, 1934, Nr. 6—7.

⁴¹ См. J. Šliūpas, Valstybė ir jos uždaviniai, p. 18.

данные о состоянии просвещения в буржуазной Литве говорят о том, что, напр., в 1938/39 учебном году во всех средних школах Литвы (государственных и частных) обучалось всего лишь 20 тысяч учащихся, преимущественно дети фабрикантов, купцов, помещиков, кулаков, чиновников и других представителей буржуазии города и деревни. Говоря о разделении общества на политические партии и группы, И. Шлюпас считал естественным следующее распределение, соответствующее, на его взгляд, экономическому состоянию страны: левое крыло — рабочий класс... центр — мелкие и крупные землевладельцы; правое крыло — духовенство, отряды даваток⁴², капиталисты. Причем бразды государственного правления, по его мнению, должны принадлежать центру — мелким и крупным землевладельцам, которых он выделял из класса капиталистов.⁴³ Таким образом, свобода в понимании И. Шлюпаса — это господство и свобода мелких собственников-хозяйчиков, кулаков, точнее мелкой и средней сельской буржуазии.

Наконец, все эти рассуждения о равенстве и свободе он оформлял лозунгом о всеобщем братстве, что означало всеобщий классовый мир, а в сущности — братство между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Для сглаживания противоречий общества И. Шлюпас предлагал вместо политических партий организовать «может быть, менее страстные» профессиональные союзы. Как метко определил В. И. Ленин, «мелкая буржуазия мечтает и болтает о притуплении противоречий, выставляя «доводы», что обострение их влечет «вредные последствия»».⁴⁴

И. Шлюпас считал, что классовой борьбы не должно быть при цивилизации, что это свойство дикости. Он отрицательно относился к революционному движению рабочего класса, считая, что революционный путь к коммунизму неприемлем для Литвы. И. Шлюпас заявлял, что «понятие частной собственности слишком глубоко проникло в сознание литовца»⁴⁵, что пролетариат не играет большой роли в литовском обществе. Он одобрял репрессии буржуазного правительства против коммунистов, которые, по его словам, занимаются антигосударственной агитацией. Для Литвы он предлагал другой путь. Это путь повышения культуры народа, который, по его мнению, привел бы к всеобщему равенству, братству и свободе. Он выдвигал лозунг независимой Литвы, основывающейся на принципах демократии и этики. Вместе с тем И. Шлюпас любил поговорить о борьбе и гордился тем, что на него как на «истинного борца» за свободу и справедливость устраивались гонения со стороны клерикалов. «Жизнь — это борьба. Молодое поколение пусть продолжает борьбу далее, пока Литва не займет соответствующее место среди народов по своей культуре, просвещению, человечности и свободе.»⁴⁶

Однако все эти высказывания являлись не более, чем прекраснодушной фразой, утопией, зовущей к всеобщему братству, но практически неосуществимой. Тщетность этих лозунгов и призывов доказал сам И. Шлюпас в своей недвусмысленной защите интересов буржуазии. Он поступал, как поступали трусливые реформисты, которые, по словам В. И. Ленина, боятся «отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством».⁴⁷

⁴² Д а в а т к а — фанатически религиозная женщина.

⁴³ См. *J. Šliūpas, Valstybė ir jos uždaviniai*, p. 49.

⁴⁴ *В. И. Ленин*, Соч., т. 21, стр. 203.

⁴⁵ *J. Šliūpas, Valstybė ir jos uždaviniai*, p. 49.

⁴⁶ D-ro J. Šliūpo jubiliejaus išskilmės, „Laisvoji mintis“, 1936, Nr. 4.

⁴⁷ *В. И. Ленин*, Соч., т. 33, стр. 436.

Социально-политические взгляды свободомыслящих основывались на идеалистическом понимании человеческого общества. Вера в человека, его светлое будущее, нетерпимость к несправедливостям капиталистического общества составляет отличительную черту социально-политических взглядов И. Кайрюкштиса, И. Вабаласа-Гудайтиса, И. Илгунаса, А. Жукаускаса и положительна по своему демократизму. Однако, придерживаясь абстрактно-теоретических позиций, отгораживая себя от задач классовой борьбы рабочего класса, они не смогли указать реальных путей для преобразования существующего общества. Их путь — путь буржуазного просветительства. Если стихийный демократизм свободомыслящих в некоторой степени способствовал восприимчивости и поддержке идей социализма среди трудящихся масс буржуазной Литвы, что в основном содействовало решению общедемократических задач пролетариата, то абстрактное просветительство представляло собою богатую теоретическую почву для развития мелкобуржуазных идей крайне реакционного толка. У И. Шлюпаса это вылилось в прямую поддержку буржуазии.

Социально-политические взгляды свободомыслящих наложили соответствующий отпечаток на решение ими проблем о социальной сущности религии и путях ее преодоления.

В своей борьбе против религии и клерикализма свободомыслящие большое внимание уделяли вопросу о реакционной роли религии в обществе. Определяя место религии в общественной жизни, они отмечали, что религия всегда была великим препятствием для цивилизации и прогресса. Религия, по их мнению, это средоточие предрассудков и консерватизма. Религиозные обряды и все занятия, связанные с религией, — это бесплодная трата сил и энергии. Так, в книге «Сравнительная история мировых религий» И. Шлюпас взял за эпиграф следующие слова М. Кабе: «Если бы человек отдал на службу человека все то, что дал богам за последнее 100 тысяч лет, то где бы мы были сегодня?»⁴⁸

И. Шлюпас подчеркивал тот факт, что, распространяя вредные для общества взгляды на труд, как на проклятие бога, религия способствует развитию лени и призывает жить как «небесные птицы, которые не сеют, не жнут». Поддерживая и благословляя индивидуализм, религия препятствует сотрудничеству людей, провозглашая: «каждый за себя, один бог за всех».⁴⁹

В своих произведениях И. Кайрюкштис отмечал, что христианство поддерживают те, кто стремится сохранить рабство и задержать развитие науки и культуры. «Если бы такие люди составили большую часть народа, то в действительности возникла бы большая опасность для человеческой культуры и свободы»⁵⁰, писал он.

Разоблачая реакционную роль религии в обществе, свободомыслящие подчеркивали связь религиозной идеологии с защитой социальных несправедливостей. В их произведениях ярко выступала мысль о том, что религия является орудием угнетения народа. В статьях атеистов проводилось положение, что «подготовка» верующих к небесному царству непосредственно связана с попытками клерикалов расширять и укреплять свое политическое и экономическое влияние. Разоблачая классовую сущность одного из принципов религиозной догматики о «непротивлении злу», А. Жукаускас писал: «Такой религиозный закон понятен и вполне логичен, так как обязанность религии защищать интересы богатей, учить, чтобы люди не сопротивлялись, были послушными.

⁴⁸ J. Šliūpas, Palyginamoji pasaulio religijų istorija, p. 3.

⁴⁹ См. J. Šliūpas, Ar religija naudinga Lietuvai?, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 3.

⁵⁰ Tomas Karušis, Kur eini, katalikų jaunime?, p. 15.

уступчивыми, униженными, так как для бедняков предназначено небесное царство. Эта жизнь для богачей, а та для бедняков.»⁵¹ И. Кайрюкшис отмечал, что все «божьи» законы призваны оправдать существующую несправедливость в обществе, что во всех несчастьях и бедствиях религия усматривает божью волю и призывает положиться на нее. «Учение Христа всегда использовалось господствующими как лучшее средство спокойным образом усмирять людей и править ими... Друзья бога и церкви всегда были врагами народа»⁵², — писал он. И. Шлюпас заявлял: «Религия — это настоящий духовный алкоголь или опиум, в котором трудящиеся рабы топят свое человеческое достоинство, свои права на сколько-нибудь более достойную человеческую жизнь».⁵³

Оправдывая богатство господствующих классов и нищету трудящихся, оправдывая классовое угнетение, религия в то же время внушает чувство пассивности, смирения и фатальной покорности перед этими явлениями. Именно на эту сторону вопроса обращали внимание свободомыслящие. Они указывали, что при помощи религиозного дурмана клерикалы отвлекают народные массы от решения актуальных проблем современности, обрекая их на пустые несбыточные мечты. Дополняя мысли И. Шлюпаса о реакционности религии, которые он изложил в открытом письме к ксендзу И. Бружикасу, И. Кайрюкшис писал: «Религия была и есть орудие эксплуатации, подавления народа и управления им, средство удержания народа от защиты своих прав и от борьбы за лучшее положение».⁵⁴ Эта мысль красной нитью проходит через атеистические произведения И. Кайрюкшиса «Куда идешь, католическая молодежь?», «Азбука свободомыслия» и др. Свободомыслящие подчеркивали, что духовенство хорошо понимает эту функцию религии как орудия угнетения, а потому оно заявляет, что «вера в бога есть основа общественной жизни. Кто ослабляет веру в бога, тот угрожает будущему человечества».⁵⁵ В этом плане высказывается, например, клерикальный идеолог Пр. Довидайтис, который заявлял, что, кто борется против религии и защищает атеизм, тот является «настоящим могильщиком нашего национального благополучия и государственной независимости».⁵⁶

Достоинством свободомыслящих в решении вопроса о реакционной роли религии в обществе является то, что они сумели подметить в религии орудие угнетения. Справедливо указывали они на то, что религия утешает раба вместо того, чтобы поднимать его на сопротивление. Оценивая политическое значение борьбы против религии, К. Маркс в свое время писал: «Борьба против религии есть косвенно борьба против *того мира, духовной усадьбы* которого является религия».⁵⁷ Этим и определяется значение критики свободомыслящими религии как социального явления.

Классовые антагонизмы буржуазного общества, усиление революционного движения, распространение идей марксизма-ленинизма в Литве не могли не оказать влияния на свободомыслящих в решении

⁵¹ A. Žukauskas, cit. veik., p. 22.

⁵² T. Karušis, Laisvosios minties ABC, p. 27.

⁵³ Dr. J. Šliūpas, Darbas ir religija, „Laisvoji mintis“, Nr. 5.

⁵⁴ K-is, Papildymas nuo redakcijos prie J. Šliūpo laiško kun. J. Bružikui, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 3.

⁵⁵ Laisvūnas (K. Valašinas), Religijos kova prieš evoliucijos mokslą, „Laisvoji mintis“, 1936, Nr. 2.

⁵⁶ Dr. Pr. Dovydaitis, Idealizmo pasaulėžiūros laimėjimai šių dienų filosofijoje, moksle ir literatūroje, „Zidinys“, 1926, Nr. 1—2, p. 27—28.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 414—415.

данного вопроса. Однако классовая ограниченность помешала им подняться до уровня марксистско-ленинского атеизма. Вопрос об эксплуататорской сущности религии в их произведениях ставился абстрактно и декларативно. Свои пожелания они подтверждали в основном фактами из истории средневековья. Правда, в статьях свободомыслящих проводилась мысль о том, что католическая церковь поддерживает господство буржуазии, фашизм, но в данном случае у них отсутствовал глубокий классовый анализ. Критикуя религию как орудие угнетения, свободомыслящие считали ее уже элементом прошлого, который удерживается в умах людей в силу консервативности мышления. Тем самым они абстрагировались от эксплуатации в существующем буржуазном обществе и от социальных условий, порождающих и поддерживающих религию. И. Шлюпас писал, что «религия есть изношенный закон в обществе, и за исключением 60 000 даваток и 30 000 обманутых ксендзами павасарининков⁵⁸, до нее никому нет дела».⁵⁹

Таким образом, они недооценивали реакционную роль религии именно в буржуазном обществе. Идеи о реакционной сущности религии и борьбе с нею они сводили к борьбе разума и справедливости против идей угнетения и консерватизма обычаев прошлого. Свободомыслящие не поняли, что «религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков.»⁶⁰

Критика религии косвенно связана с критикой существующего строя, но последовательная антирелигиозная борьба, как указывал К. Маркс, предполагает превращение критики неба в критику земли, критики религии — в критику права, критики теологии — в критику политики. Свободомыслящие так и остались на уровне косвенной критики буржуазного строя, не задевая его основ.

Для того, чтобы научно решить вопрос о социальной роли религии, свободомыслящим необходимо было показать не только, что религия оправдывала античное рабство и превозносила средневековое крепостничество, но что она явилась также опорой в угнетении пролетариата. Не сумев выяснить экономическую основу эксплуатации пролетариата, они не смогли вскрыть внутреннюю связь религии с эксплуатацией в капиталистическом обществе.

В периодической печати свободомыслящих появлялись отдельные, главным образом переводные, статьи советских авторов, в которых проскальзывали марксистские идеи по вопросу о социальной сущности религии. «Если в мире не будет эксплуатации и нищеты... то что же станет с колдуном — духовным лицом, с его спасительными трюками христианского креста в последний час?»⁶¹, — писала газета «Лайсвоји минтис». В других статьях отмечалось, что когда пролетариат возьмет в свои руки орудия производства, то исчезнет основа для чудес.⁶²

Однако подобные высказывания носили случайный характер и были продиктованы теми авторами, произведения которых переводились на литовский язык. Даже в несомненно навеянных марксистской литературой высказываниях И. Шлюпаса о том, что религия есть опиум народа, И. Шлюпас так и не сумел доказать, что современные религии и церкви, различные религиозные организации являются органами бур-

⁵⁸ Павасарининки — союз католической сельской молодежи.

⁵⁹ J. Šlp., Iš mūsų padangės, „Siaulių naujienos“, 1925, Nr. 28.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 415.

⁶¹ Laisvamaniški šipuliai. Nusikaltėliai ir kryžius, „Laisvoji mintis“, 1937, Nr. 11.

⁶² См. J. Šl., Tikrieji ir netikrieji dievai, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 8—9.

жуазной реакции, что они служат защите эксплуатации и одурманиванию рабочего класса. Рассматривая угнетение вообще, свободомыслящие отвлекались от конкретного общества и конкретного государства, в котором они жили. Они не смогли понять, что «это государство, это общество порождает религию, превратное мировоззрение, ибо сами они — превратный мир».⁶³

Религия возникла в обществе не беспричинно, точно так же не беспричинно держится она в капиталистическом обществе.

В своей попытке выяснить причины существования религии в буржуазном обществе свободомыслящие не смогли вскрыть социальные корни религии вообще, в том числе и в современном им обществе. Они фактически не выяснили причин того, почему религия находит себе благоприятную почву среди угнетенных трудящихся масс. Подчеркивая реакционную социальную роль религии как орудия классового угнетения, они не вскрыли генетическую связь возникновения и существования религии с условиями жизни в классовом обществе. Таким образом, они затрагивали лишь одну сторону вопроса о месте религии в жизни классового антагонистического общества.

Материалистическое понимание корней религии предполагает выяснение тех экономических основ угнетения трудящихся, которые порождают всякие другие виды угнетения: политическое, нравственное, религиозное и т. п. Социальные корни религии следует искать в господстве общественных сил над человеком подобно тому, как стихийные природные силы всецело господствовали над ним на стадии низкого уровня развития первобытного человека. «Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма... — вот в чем самый глубокий современный корень религии»⁶⁴, — писал В. И. Ленин. Из научного понимания социальных корней религии вытекает очень важный практический вывод о том, что борьба за свободу и справедливость связана прежде всего с экономическим освобождением, что абстрактно провозглашаемая свобода не избавит трудящихся от нищеты, безработицы и гнета, пока не будет свергнута власть капитала.

Не вникая в сущность социальных корней религии и оставаясь, таким образом, на уровне материалистов «приготовительного класса», свободомыслящие вопрос о взаимоотношениях религии и общественного развития опрокидывали вверх дном. Считая религию основным социальным злом, они заявляли, что от успехов борьбы против религии и церкви зависит разрешение всех других противоречий общества.

И. Шлюпас, например, писал: «Когда предрассудки будут устранены, исчезнет возможность эксплуатации».⁶⁵ Подобные выводы также делал в то время И. Кайрюкштитис: «Во всех странах борьба за лучшее и более справедливое устройство общества была одновременно и борьбой против церкви. Борьба против церкви приносит освобождение человечеству, обойденному в материальном и культурном отношении. Мир не вступит в светлое будущее, пока церковь не будет побеждена.»⁶⁶ Таким образом, правильные положения о том, что борьба за свободу находится в тесной связи с борьбой против величайших врагов прогресса — религии и церкви, искажались ими путем переноса основного центра борьбы против социальной несправедливости в область борьбы с религией. Успехи развития общества они ставили в зависимость от успехов анти-

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 414.

⁶⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 374—375.

⁶⁵ Dr. J. Šliūpas, Sąžinės laisvės, „Laisvamanis“, 1933, Nr. 3.

⁶⁶ T. Karušis, Laisvosios minties ABC, p. 27.

религиозной атеистической пропаганды, в то время как в действительности происходит наоборот: успехи атеистической деятельности зависят от экономического и политического прогресса общества.

Подобные взгляды по сути дела свойственны всем буржуазным прогрессистам, радикалам и буржуазным материалистам, которые причины существования религии в обществе объясняют в основном невежеством народа, недостаточным развитием и распространением науки и культуры, потому основные лозунги у них, по словам В. И. Ленина, «долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача».⁶⁷

В. И. Ленин оценивал такой взгляд как «поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество».⁶⁸

На основании своих теоретических положений о месте религии в обществе свободомыслящие формулировали практическую программу преодоления религии. Задачи атеистической деятельности они ставили в прямую зависимость от задач развития и распространения науки и культуры. Они исходили из тех соображений, что при низком состоянии культуры народные массы утопают в темноте и предрассудках, что они не могут уяснить свое положение в природе и обществе, а потому народ верит, а не рассуждает, молится и просит, а не требует, боится и унижается, но не доверяет своим силам. Поэтому возникает острая необходимость борьбы с религией путем распространения научных знаний и подъема общего уровня культуры. «Чем быстрее распространяются естественные науки, тем быстрее уменьшается влияние церкви в общественной жизни»⁶⁹, — писал И. Шлюпас.

Свободомыслящие утверждали, что наука должна облегчить участь человечества, когда она перестанет быть средством угнетения. Наряду с пропагандой научных знаний они считали необходимым формулировать и распространять высокие гуманистические принципы нравственности, которые диктует сама жизнь. Этика свободомыслия, по мнению ее теоретиков, открывает перед человечеством новый справедливый путь к прекрасной и счастливой жизни. Искусство, литература, спорт также должны быть постоянными спутниками человека. Таким образом, рост цивилизации, понятие которой они связывали с ростом духовной культуры, определяет, в их понимании, успехи преодоления религии и установление справедливости на земле. «По мере роста цивилизации умирают религии, — писал И. Кайрюкштис, — изменяется само религиозное чувство, и большинство просвещенных людей отбрасывают веру и порывают связи с костелами».⁷⁰

Свободомыслящие утверждали, что борьба против религии и клерикализма является важнейшей задачей каждого образованного, критически мыслящего интеллигента. И. Минюс (И. Лайсвунас) и И. Кайрюкштис писали о том, что толстовская идея «непротивления злу» отжила свой век, что только путем активной деятельности можно исключить религию из жизни общества и предостеречь своих детей от религиозной заразы.⁷¹ Свободомыслящие призывали включаться в активную антирелигиозную, антиклерикальную борьбу, создавать организации по распространению научных знаний, просвещения, организовывать лекции с целью освещения различных атеистических проблем, создавать библиотеки, читальни, светские кладбища с похоронами без

⁶⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 374.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Dr. J. Šliūpas, Religijos likimas, „Laisvoji mintis“, 1939, Nr. 13.

⁷⁰ Tomas Karušis, Mokslas ir krikščionybė, „Laisvamanis“, 1933, Nr. 1.

⁷¹ См. J. Laisvūnas ir K-is, Betikybinių vaikų auklėjimas, „Laisvoji mintis“, 1935, Nr. 4.

религиозных обрядов и т. п. И. Шлюпас мечтал об объединении всех обществ рационалистов, гуманистов, различных этических обществ во всех странах в национальные федерации, которые в своей деятельности противостояли бы деятельности клерикалов. Вообще же в свою деятельность свободомыслящие старались вовлечь не только непосредственно входящих в их организации людей, но и распространить свое влияние на молодежь. Они считали, что популярность их идей обеспечит успех дела.

Незаурядное место в деятельности свободомыслящих занимала лекционная пропаганда. Особенно активно в этом отношении проявили себя И. Шлюпас, К. Валашинас, И. Илгунас, И. Протас. Они нередко устраивали открытые диспуты с духовенством. И. Шлюпас затеивал такие диспуты в печати. На публичных лекциях клерикалов свободомыслящие старались задавать вопросы, задевающие наиболее слабые места религиозных учений, разоблачая затем всю нелепость утверждений духовенства. Все это, конечно, сыграло свою положительную роль в антирелигиозной пропаганде. Однако при этом иногда неосторожные и недостаточно обоснованные публичные выпады против духовенства вызывали ненужное озлобление и обострение фанатизма со стороны верующих. Особенно это наблюдалось у И. Шлюпаса, чьи выступления, по словам бывшего ксендза И. Рагаускаса, «были слишком уж демагогическими, слишком уж резко нападали лектор на ксендзов и верующих, высмеивая и оскорбляя их».⁷²

Одновременно свободомыслящие много внимания уделяли вопросам методов ведения антирелигиозной пропаганды. Они в основном правильно утверждали, что религия может исчезнуть только постепенно, в результате терпеливой воспитательной работы. С нею нельзя расправиться одним ударом. Призывая распространять свои идеи, защищать атеистические убеждения, свободомыслящие осуждали неосторожные отношения с верующими, предупреждали против оскорбления религиозных чувств, агитировали за уважение убеждений других.

Таким образом, в своей практической антирелигиозной деятельности, в противовес господству религиозного мировоззрения, засилию клерикалов и существующей социальной несправедливости, свободомыслящие выдвигали свои принципы: «научное мировоззрение, социальная справедливость, толеранция — признание и уважение равных прав и обязанностей для каждого человека».⁷³

Несомненно, стремление повысить культурный уровень народа, упрочить научное мировоззрение в противовес религиозному, освободить ум «от иллюзий, глупостей и предрассудков прошлого»⁷⁴ было положительным в то время. «Упразднение религии как *иллюзорного* счастья народа» К. Маркс определял как «требование его *действительного* счастья».⁷⁵ Однако у свободомыслящих требования отказа от религии были связаны с иллюзиями об исчезновении религии в существующем буржуазном обществе и преобразовании этого общества на справедливых началах при помощи чисто просветительской деятельности. Они призывали народ бороться за «рай на земле», но не поняли того, что именно классовая борьба за коренное переустройство общества, за социализм сплачивает трудящихся для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь и тем самым способствует освобождению его от религиозного дурмана. Свободомыслящие так и не поняли, что свобода,

⁷² И. Рагаускас, Ступайте, месса окончена!, М., 1956, стр. 45.

⁷³ Kultūrinio darbo gairėmis, „Laisvoji mintis“, 1940, Nr. 3.

⁷⁴ Dr. J. Šliūpas, Iškilusių reikalų, „Laisvoji mintis“, 1938, Nr. 1.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 415.

о которой они так много говорили, связана прежде всего с экономическим и политическим освобождением, а следовательно, пока господствует буржуазия, невозможно добиться подлинной справедливости, свободы и т. д. В обществе, основанном на эксплуатации трудящихся масс, невозможно чисто проповедническим путем преодолеть религиозные предрассудки. В. И. Ленин называл буржуазной ограниченностью упущение из виду того, что «гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества».⁷⁶

Исходя из этого, В. И. Ленин делал вывод: «Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забытых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого *корня* религий, против *господства капитала* во всех формах».⁷⁷

Последовательная борьба против религии и церкви требует соединения этой борьбы с задачами классово-пролетариата против эксплуататоров. Эта борьба преследует цель уничтожения капиталистического строя как социальной опоры религии и построения нового строя, увенчанного диктатурой пролетариата. Только диктатура пролетариата создает предпосылки для окончательного преодоления религии в обществе: В. И. Ленин указывал, что задача диктатуры пролетариата в области религиозной политики состоит в том, чтобы не удовлетворяться декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви. Эти мероприятия обещает и буржуазная демократия, хотя нигде не проводит в жизнь до конца в силу многообразных фактических связей капитала с религиозной пропагандой. «Пролетарская диктатура, — писал В. И. Ленин, — должна доводить до конца разрушение связи между эксплуататорскими классами, помещиками и капиталистами, и организацией религиозной пропаганды, как поддержки темноты масс».⁷⁸ Поэтому диктатура пролетариата осуществляет фактическое освобождение масс от религиозных предрассудков.

Не стремясь к революционному преобразованию существующего эксплуататорского общества, свободомыслящие считали, что буржуазное государство является их союзником в антирелигиозной, антиклерикальной борьбе. Они утверждали, что поскольку государство также терпит ущерб от засилья клерикалов, от прочных экономических, политических и идеологических позиций католической церкви, то оно заинтересовано в создании условий для нормальной деятельности в области развития и распространения науки и культуры. Свободомыслящие заявляли, что «свободомыслие для каждого, в том числе и для литовского государства, вполне приемлемо и должно быть опекаемо наравне с другими мировоззрениями, тем более, что свободомыслящие не ищут себе никаких привилегий, а хотят лишь иметь равные права как равные граждане государства».⁷⁹ В свою очередь свободомыслящие все время подчеркивали, что они не являются оппозиционерами по отношению к государству, но выступают за признание и уважение равных гражданских прав всех людей.

Хотя в целом свободомыслящие возлагали большие надежды на фашистское государство, отдельные их требования имели демократический характер и по существу косвенно были направлены против фашистского подавления демократии, за осуществление принципа свободы совести.

⁷⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 68.

⁷⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 375.

⁷⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 91.

⁷⁹ Laisvamaniai ir valstybė, „Laisvamanis“, 1933, Nr. 2.

Так, например, свободомыслящие выдвигали целый ряд практических требований:

1) уничтожение политического союза католической церкви и буржуазного государства; ликвидация конкордата и всех предоставляемых им привилегий духовенству;

2) введение государственной регистрации актов гражданского состояния;

3) отделение церкви от школы;

4) веротерпимость и свобода пропаганды антирелигиозного мировоззрения свободомыслящих.

Особенно активную деятельность свободомыслящие развернули по вопросу о введении государственной регистрации актов гражданского состояния. В течение 20-летнего господства буржуазии в Литве законным считался лишь церковный брак. В конкордате, заключенном с Ватиканом, католической церкви предоставлялось полное юридическое право совершать акты регистрации рождения, брака и смерти граждан. Гарантируя привилегии в данном вопросе католической церкви и другим религиозным организациям, буржуазная конституция оставляла открытым вопрос о государственной регистрации этих актов. Такое положение дел фактически лишало гражданских прав людей, не исповедывающих какую-либо религию. Поэтому не случайно свободомыслящие выступали в защиту своих гражданских прав. Общество свободомыслящих в целом и отдельные его организации, даже организации литовских свободомыслящих в США не раз обращались к буржуазному правительству Литвы с требованием издать закон о государственной регистрации актов гражданского состояния. С подобными петициями в 1931 году обращались к премьер-министру отделения общества свободомыслящих Шимкайчай и Плунге. В 1934 г. И. Шлюпас, как председатель общества, послал петицию министру просвещения. В 1939 г. Общество свободомыслящих, просветительское общество «Культура», профессиональные союзы учителей и некоторые передовые представители интеллигенции и общественные деятели вручили меморандум премьер-министру и министрам юстиции, просвещения и внутренних дел. Под меморандумом, составленным агрономом А. Жукаускасом, врачом И. Кайрюкштитем, журналистом В. Книвой, подписались такие прогрессивные общественные деятели, представители наук и культуры, как Пятрас Цвирка, И. Матулис, К. Баршаускас, В. Лашиас, А. Пуренас и другие. Вопрос о необходимости введения государственной регистрации актов гражданского состояния постоянно поднимался в печати. Теоретически обосновывая необходимость введения государственной регистрации этих актов, свободомыслящие подчеркивали, что это не противоречит конституции, но отсутствие ее затрагивает коренные интересы многих граждан, сужает их права, гарантированные ею, вызывает множество нежелательных прецедентов в судебной практике, в области просвещения и т. п. При этом они ссылались на тот факт, что в большинстве цивилизованных государств этот вопрос уже давно решен. Свободомыслящие верно подчеркивали, что фактически граждане Литвы не имеют возможности воспользоваться записанной в конституции свободой совести, в то время как различным религиозным организациям предоставляется широкая свобода действий. Атеисты срывали «священный ореол», которым духовенство окутывало семейные отношения и доказывали, что вопросы супружества, рождения и смерти — это не дело религии, как это пыталась представить церковь, а вопрос гражданского долга существования народа.

Большое место в практической деятельности свободомыслящих занимал вопрос об отделении церкви от школы. Так же, как и в других

вопросах, фактическое состояние просвещения в буржуазной Литве противоречило принципу провозглашаемой конституцией свободы совести и вероисповедания. Изучение религии в школах являлось обязательным. Принцип свободы совести еще более попирался засилием клерикальной идеологии во всем процессе обучения, в строжайшем контроле духовенства над всей школьной и внешкольной жизнью учащихся и учителей. Поднимая вопрос об отделении церкви от школы, свободомыслящие заявляли, что изучение богословия для их детей неприемлемо не только потому, что оно противоречит их убеждениям, но и потому, что под религиозным покровом детям прививаются вредные идеи и настроения. Именно в таком плане высказывался А. Жукаускас.⁸⁰ И. Кайрюкштите отмечал, что в учебном процессе необходимо невежду поднимать до уровня ученого, а не наоборот: ученого принижать до уровня невежды, как это делает духовенство.⁸¹ Свободомыслящие призывали посылать правительству коллективные петиции с просьбой издания циркуляра об освобождении детей неверующих от обязательного изучения религии в школах, об устранении различных препятствий, чинимых клерикалами при переводе детей атеистов в следующий класс. Они призывали обращать ум и внимание ребенка на изучение природных явлений, научных данных и отвлекать его от мистики, религиозных вымыслов. Они подчеркивали, что именно науке и реальным знаниям об окружающем мире принадлежит будущее. И. Шлюпас предлагал бороться за создание светских школ. Вместо религии он предлагал ввести преподавание сравнительной истории мировых религий и этики. Наряду с этими науками он выдвигал необходимость изучения естественных наук, основанных на эволюционном учении, но при этом наряду с гигиеной он рекомендовал изучение лженауки евгеники.⁸²

Свободомыслящие внесли свою лепту в борьбу за осуществление принципа свободы совести. Они справедливо выдвигали требование полного отделения церкви от государства, правильно выступали за ликвидацию каких бы то ни было связей церкви и религиозных организаций с государственной властью, за ликвидацию льгот церкви и духовенству, за уничтожение различий между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований. Положительным в их выступлениях являлось и то, что они несколько вышли за пределы буржуазного лозунга веротерпимости, ограничивающегося лишь провозглашением свободы вероисповедания — терпимостью ко всем возможным видам религиозной свободы совести. Свободомыслящие всемерно подчеркивали необходимость свободы антирелигиозной пропаганды и распространения материалистического, научного мировоззрения. Это было одно из требований выдвигаемой ими практической программы.

Однако, несмотря на этот положительный момент, они так и не смогли выйти за рамки ограниченного буржуазного атеизма. В практическом осуществлении выдвигаемых ими принципов, в своей борьбе за невероисповедное состояние свободомыслящие пытались отмежеваться от каких бы то ни было политических партий и классовых противоречий того времени. Наиболее четко эта мысль была сформулирована в одном из первых номеров газеты «Лайсваманис»: «Стремясь к своей цели, ясно отгораживаемся от любых политических партий и никаких политических побуждений не имеем».⁸³ При этом они все время подчеркивали, что

⁸⁰ См. А. *Zukauskas*, *Dėl tikybos dėstymo mokyklose*, „Laisvoji mintis“, 1939, Nr. 23.

⁸¹ См. *J. K.*, *Ką daro rimtesnieji studentai?*, „Laisvoji mintis“, 1934, Nr. 10.

⁸² См. *Dr. J. Šliūpas*, *Dėl laisvamanių mokyklos*, „Laisvoji mintis“, 1937, Nr. 3.

⁸³ *Truputis aiškumo*, „Laisvamaniš“, 1933, Nr. 4.

ничего общего не имеют с коммунистами. Это до некоторой степени можно было объяснить большими репрессиями против коммунистов в условиях буржуазной Литвы. Так, на страницах газеты «Лайсвоји минтис» сообщалось: «Хорошо известно, что в Литве за принадлежность к коммунистической партии наказывают строже, чем за шпионаж в пользу Германии и Польши».⁸⁴ Та же газета, сообщая о регистрации общества свободомыслящих в 1936 году, отмечала, что организации политического характера, за исключением таутиников (фашистов), зарегистрированы не были. Подчеркивая, таким образом, непринадлежность к политическим организациям, они создавали условия для активной легальной просветительской деятельности.

Вместе с тем следует отметить, что такое стремление отгородиться от классово-партийной борьбы на деле являлось выражением буржуазной трусливости и ограниченности. Это был своеобразный протест средних слоев буржуазного общества Литвы, страдающих от тягот буржуазного строя и засилия клерикализма. Будучи недовольны существующими порядками, они, однако, не решались вступить на революционный путь свободы.

Такое отречение от задач партийной борьбы против религиозного оглушения народных масс В. И. Ленин расценивал, как «пошлейшее «свободомыслящее» мещанство».⁸⁵ Требование отделения церкви от государства и объявление религии частным делом по отношению к государству отнюдь не исключает, а предполагает соответствующее классовое, политическое отношение к данному вопросу.

Наиболее ярко это проявилось в деятельности и взглядах И. Шлюпаса, у которого недвусмысленно проскальзывала классовая буржуазная сущность. Он считал, что клерикалы своими действиями вызывают недовольство среди народа и тем самым подготавливают почву для революций. Поэтому все антицерковные, антиклерикальные мероприятия, по его мнению, предотвращают угрозу революции. Он писал, что уничтожение конкордата Ватикана с Литвой, отделение церкви от государства необходимо в целях разумного предотвращения ужасов событий французской революции, революции в России, а также времен Костюшки в Литве.⁸⁶ «Пока не поздно, обязательно нужно предупредить революцию или по крайней мере подавить подготавливаемую»⁸⁷, — писал он.

О таких атеистах, как И. Шлюпас, В. И. Ленин писал, что «почти всегда эти представители образованной буржуазии «дополняют» свое же собственное опровержение религиозных предрассудков такими рассуждениями, которые сразу разоблачают их как идейных рабов буржуазии».⁸⁸

Антиклерикализм и атеизм и вместе с тем реакционность в политических выводах таких идеологов буржуазии, как И. Шлюпас, вполне объяснимы. Встав во главе экономической и политической жизни, пользуясь неограниченной свободой эксплуатации трудящихся масс, буржуазия не могла стерпеть никаких ограничений в области религии. Поэтому она выдвигает лозунги свободы вероисповедания, допуская даже свободу антирелигиозной пропаганды. Она требует уменьшения состояния духовенства, ограничения его привилегий в общественной и политической жизни. Атеизм буржуазных идеологов в условиях господства бур-

⁸⁴ Tikybų nedraugas, „Laisvoji mintis“, 1937, Nr. 9.

⁸⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 422.

⁸⁶ См. J. Šliūpas, Bažnyčios reikšmė Lietuvoje kitados ir dabar, „Vaga“, 1931, Nr. 8, p. 475—476.

⁸⁷ Jonas Šliūpas, Katalikų bažnyčios veikimas... p. 21.

⁸⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 204.

жуазного строя объясняется и тем, что буржуазия не может полностью поддерживать религию, так как в капиталистическом обществе наука играет огромную роль. Наконец, буржуазия не желает сразу лишиться популярного звания борца против религиозного обскурантизма.

Однако атеистическая либеральная буржуазия всякий раз пасует перед революционным движением народных масс, перед сплоченностью рядов пролетариата. В связи с угрозой революции многие из них отказываются от своих либеральных, антирелигиозных взглядов и вступают в открытый союз с клерикалами, которые так же заинтересованы в борьбе против революционного движения.

Несколько иначе ведет себя другая часть буржуазии перед лицом революционного движения народных масс. Такие, как И. Шлюпас, отнюдь не отказались от антиклерикальной и даже антирелигиозной борьбы, используя ее как средство отвлечения внимания трудящихся от насущных задач революционного движения. Со стороны И. Шлюпаса наблюдалось даже чрезмерное увлечение антиклерикализмом. На это ему было указано А. Жукаускасом, И. Протасом, И. Илгунасом на съезде свободомыслящих в Паланге в 1939 г. В своих нападках на клерикалов И. Шлюпас подчас забывал об основательной критике религиозной идеологии, а все противоречия современного ему общества сводил к противоречиям между клерикалами и государством. Лозунги просветительства служили ему прикрытием боязни перед развивающимся революционным движением народных масс. Характеризуя эту своеобразную тактику буржуазии в борьбе с революцией, В. И. Ленин писал: «Буржуазный антиклерикализм, как средство отвлечения внимания рабочих масс от социализма, — вот что предшествовало на Западе распространению среди с.-д. современного их «равнодушия» к борьбе с религией».⁸⁹ Таким образом, пример антирелигиозной и антиклерикальной борьбы И. Шлюпаса показывает, что абстрактное просветительство в условиях буржуазного общества таит в себе возможность самых реакционных намерений и действий.

Несомненно, иные мотивы руководили атеистической деятельностью представителей прогрессивной интеллигенции И. Кайрюкштиса, И. Вабаласа-Гудайтиса, А. Жукаускаса, И. Протаса, И. Илгунаса и других. В организации свободомыслящих их привело подробное ознакомление с естественными науками, понимание реакционного характера религии и идеализма, их полной научной несостоятельности, несовместимость их научных знаний и взглядов с господствующей религиозной идеологией. Они не могли не видеть, что за идеализм и религию ухватываются все враги демократии и прогресса. К активной антирелигиозной деятельности толкало их фактически бесправное положение неверующих в буржуазной Литве.

Не желая мириться с существующим положением, они считали своим долгом бороться за свои гражданские права и всячески пропагандировать научные знания. Недостаточно прочная теоретическая основа их деятельности — метафизический естественно-научный материализм и идеализм в области изучения общественных явлений, а также классовая ограниченность их политических взглядов мешали им выбрать правильные пути для антирелигиозной деятельности и замыкали их в рамки просветительства. Как метко заметил К. Маркс, «недостатки абстрактного естественнонаучного материализма, исключая исторический процесс, обнаруживаются уже в абстрактных и идеологических представлениях его защитников, едва лишь они решаются выйти за пределы

⁸⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 380.

своей специальности».⁹⁰ К тому же условия легальной работы свободомыслящих зачастую мешали им высказать более радикальные взгляды, выявить свои симпатии к революционному движению, к Советскому Союзу.

Абстрактно-теоретическая деятельность свободомыслящих фактически была безопасной для буржуазного государства. Поэтому в годы, когда были запрещены все политические партии, кроме фашистской (тау-тининков), и даже были закрыты католические организации, просветительское общество свободомыслящих продолжало действовать. Правда, его деятельность постоянно ограничивалась, отдельные его организации закрывались, но в целом общество продолжало существовать. Это обстоятельство объясняется несколькими факторами. Осторожная, политическая индифферентная тактика свободомыслящих в сочетании с заигрыванием И. Шлюпаса с фашистской властью обуславливали благосклонное отношение последней к этому обществу. Кроме того, фашистам было выгодно использовать общество свободомыслящих — ярого врага духовенства в своих политических интригах против клерикалов. Наконец, эти взаимоотношения фашистов со свободомыслящими могли быть окружены ореолом либерализма и видимого демократизма в пропагандистских целях.

Выводы

Определившееся в период буржуазного господства в Литве движение свободомыслящих явилось результатом обострившейся классовой борьбы и выражало протест широких слоев общественности против засилия клерикалов в стране, против религиозного дурмана, используемого реакционной частью буржуазии как орудие угнетения народных масс.

Свободомыслие, выражающее в основном атеистические взгляды части средней и мелкой буржуазии, прогрессивных слоев буржуазной интеллигенции, различных слоев крестьянства, городских и сельских рабочих, ремесленников, по своему существу носило ограниченно буржуазный, просветительский характер. Противоречивость взглядов свободомыслящих определялась противоречивостью сложных условий, социальных влияний, исторических традиций, которые обуславливали психологию различных слоев средних сословий буржуазного общества. Именно классовая природа носителя идеологии свободомыслия определяла стихийный демократизм и наряду с этим мелкобуржуазный, мелкокрестьянский подход в решении вопросов о религии и в защите интересов трудящихся. Именно классовой природой средних сословий объяснялась реакционность некоторых свободомыслящих, открыто защищавших буржуазное государство.

Заслугой атеизма свободомыслящих является стремление раскрыть реакционную сущность религии в связи с другими противоречиями классового общества и указать пути для ее преодоления. Они накопили большое количество фактов, наглядно подтверждающих идею о том, что религия является средством угнетения. Практическая деятельность свободомыслящих, направленная на распространение атеистических и научных знаний, на отстаивание гражданских прав неверующих в условиях господства клерикализма в Литве, сыграла свою положительную роль. Однако свободомыслящие атеисты не раскрыли социальных корней религии, не выяснили до конца подлинной ее сущности, а потому не смогли указать и правильных путей для преодоления религии. Они приоткрыли

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, 1960, стр. 383.

занавес в «тайне святого семейства», ища разгадку в «земной семье». Но теоретическая критика «святого семейства» и «земной семьи» не увязывалась ими с практическими задачами революционного преобразования общества. Они все время сбивались на абстрактную, идеалистическую постановку вопроса, «от разума», вне классовой борьбы. Отсутствие материалистического понимания общественных явлений мешало им осознать, что «все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением их в «самосознании» или превращением их в «привидения», «призраки», «причуды» и т. д., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор, — что не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и всякой иной теории».⁹¹

Несмотря на эти недостатки и буржуазную ограниченность атеизма свободомыслящих, их антирелигиозная пропаганда и атеистическая деятельность в целом внесли свой вклад в атеистическое воспитание народных масс в буржуазной Литве. Поэтому не случайно, начиная с 1934 года, Коммунистическая партия Литвы, развивая тактику единого фронта в борьбе против фашизма, использовала организации свободомыслящих для распространения своего влияния на трудящиеся массы.

Практическая деятельность авангарда рабочего класса — Коммунистической партии Литвы — вполне подтвердила идею классиков марксизма-ленинизма о том, что многомиллионные народные массы, а особенно крестьяне и ремесленники, осужденные буржуазным обществом на темноту, невежество и предрассудки, не в состоянии выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения. Практика показала, что в борьбе против господствующего обскурантизма необходим «союз» с Девсами (*Ленин*). В качестве таких союзников в атеистическом воспитании народных масс и выступали свободомыслящие. Этим определяется значение их атеизма.

Вильнюсский Государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра философии

Представлена
в феврале 1962 г.

BURŽUAZINĖS LIETUVOS LAISVAMANIŲ ATEIZMO POBODŽIO KLAUSIMU

E. KARAKOZOVA

Reziumė

Šiame straipsnyje nagrinėjama Lietuvos laisvamanių ateizmo specifiška ir jo klasinė esmė. Straipsnio pradžioje yra duota trumpa laisvamanių sąjūdžio formavimosi charakteristika, apibūdinami pagrindiniai jo ideologai ir veikėjai. Savo klasinė sudėtimi ir jo atstovų politinėmis pažiūromis šis judėjimas nebuvo vienalytis. Šalia progresyvios inteligentijos atstovų — J. Kairiūkščio, J. Vabalo-Gudaičio, A. Žukauskio, I. Proto, V. Knyvos ir kt., jame dalyvavo liberalinės buržuazijos veikėjai ir įvairių buržuazinių partijų nariai, pvz.: J. Šliūpas, P. Leonas ir kt. Nepaisant to, laisvamanių judėjimo dalyviai laikėsi bendrų teorinių antiklerikalinių pozicijų. Ateistinės, antiklerikalinės laisvamanių idėjos ypač buvo populia-

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 37.

rios darbo valstietijos, amatininkų ir smulkių prekybininkų tarpe. Kaip tik šių vadinamųjų vidurinių sluoksnių interesai atsispindėjo laisvamanybės ideologų pažiūrose.

Straipsnyje nagrinėjamos laisvamanių socialinės-politinės pažiūros į visuomenės vystymosi priežastis ir tendencijas. Nagrinėjant šį klausimą, išryškėja laisvamanių pažiūrų nenuoseklumas: jų progresyviųjų atstovų humaniškumas ir demokratiškumas Lietuvos buržuazinės visuomenės kritikos atžvilgiu ir kartu susilaikymas nuo revoliucinių veiksmų. Čia parodytas J. Šliūpo politinių pažiūrų prieštaringumas ir reakcingumas. Straipsnyje taip pat nušviesta klasinė laisvamanių socialinių-politinių pažiūrų esmė, jų idealistinis visuomenės supratimas.

Idealistinis visuomenės supratimas nulėmė atitinkamą problemos apie religijos socialinę esmę ir jos įveikimo kelius sprendimą. Savo veikaluose laisvamaniai daug dėmesio skyrė religijos reakcingo vaidmens visuomenėje išaiškinimui. Straipsnyje kritiškai išdėstytos jų pažiūros šiuo klausimu. Laisvamaniai suprato, jog religija yra išnaudojimo įrankis. Tačiau jie nesugebėjo atskleisti socialinių religijos atsiradimo šaknų ir jos egzistavimo buržuazinėje visuomenėje priežasčių. Todėl jiems nepavyko surasti teisingų kelių religijai įveikti. Spręsdami šį klausimą, jie laikėsi švietėjiškumo, kultūrininkystės pozicijų. Straipsnyje apibūdinti laisvamanių ateistinės veiklos ypatumai, taip pat išaiškinta laisvamanių ateizmo reikšmė ir parodytas buržuazinis jų ateizmo ribotumas.